

Итак, в произведениях Александра Кушнера пространство Италии имеет четкую структуру. Мы можем выделить следующие пространственные составляющие образа этой страны: историческую, природную и культурно-художественную. Кроме того, Кушнер детализирует пространство Италии со свойственной ему иронией и «дикивинной любовью к <...>, предметам, деталям, подробностям...» [2, с. 208].

Литература

1. Алонцева И. Структура и семантика «итальянского текста» Н. Гумилева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008.
2. Бек Т. Все дело в ракурсе. О книге Александра Кушнера «Избранное» // Дружба народов. 1998. № 8.
3. Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. М. : Независимая газ., 2001.
4. Кушнер А. Аполлон в снегу. 1999 // Знамя. 1999. № 8. С. 3–6.
5. Кушнер А. Бродя среди римских мраморных руин... // Нов. мир. 2002. № 1. С. 30.
6. Кушнер А. Все кажется, что в синем балахоне... // Нов. мир. 2001. № 1. С. 138.
7. Кушнер А. Если кто-то Италию любит... // Нов. мир. 1994. № 7.
8. Кушнер А. Но только английский хорош декатив... // Нов. мир. 2008. № 1. С. 4.
9. Кушнер А. Пометы на полях // Арион. 1998. № 3.
10. Кушнер А. Как Смольный собор хорошо говорит... // Звезда. 2012. № 2.
11. Кушнер А. Перед статуей. URL: <http://kushner.poet-premium.ru/vosmidesyatye.html> (дата обращения: 12.02.2012).
12. Кушнер А. Аполлон в снегу. URL: <http://kushner.poet-premium.ru/vosmidesyatye.html> (дата обращения: 12.02.2012).
13. Шишкин М. Венерин волос. М. : Вагриус, 2007.

Italy space structure in the works by Alexander Kushner

There are revealed the peculiarities of representation of Italy space in the poems by Alexander Kushner, analyzed the following components of the Italian topos: historic, natural, cultural and artistic. Special attention is paid to the interpretation of Italy space through the space of different types of art.

Key words: *Italy, space, marker, representation, art.*

И.С. ЛЕОНОВ
(Москва)

МОДЕЛЬ ВНЕШНЯЯ ГРЕХОВНОСТЬ – ВНУТРЕННЯЯ ПРАВЕДНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

На примере творчества современного российского писателя – протоиерея Николая Агафонова рассматривается функционирование эволюционной модели «внешняя греховность – внутренняя праведность», которая во многом определяет черты тематики и поэтики современной отечественной духовной прозы.

Ключевые слова: *эволюция, грех, праведность, православие, проза, Николай Агафонов.*

В настоящее время в России активно развивается православная художественная литература, раскрывающая тему духовной эволюции человека сквозь призму основных моделей: *неверие – первые попытки духовного поиска, неверие – обретение веры, грех – покаяние, формальная религиозность – истинная вера, внешняя греховность – внутренняя праведность.* Большинство из них стали объектом рассмотрения в исследовании «Поэтика православной прозы XXI века» [2]. В настоящей статье акцент сделан на изучении специфических черт последней модели в контексте художественных произведений протоиерея Николая Агафонова.

Действительно, оппозиция *внешняя греховность – внутренняя праведность* занимает особое место в религиозной художественной литературе. В первую очередь, она не столько отражает характер внутренних изменений персонажа, сколько в полной мере позволяет читателю увидеть духовное богатство личности, порой контрастирующее с ее внешним отгалицированным образом.

Вопрос об истинной и ложной порочности (как, впрочем, и святости) – один из основных в Евангелии. Хорошо известны эпизоды, когда всеми презираемые люди, считавшиеся в обществе грешниками, вступали в общение с Христом или становились его учениками (Закхей, Матфей).

Эта же идея отражена и в ряде новозаветных притч, например о мытаре и фарисее, которая завершается словами Спасителя: «ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен бу-

дет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18: 9–14). Другая притча – о милосердном самарянине – расширяет диапазон истинных с религиозной точки зрения нравственных ценностей и показывает, что стремление к Богу проявляется через любовь, милосердие и жертвенность. Подчеркнем, что подобное соотношение греховности и праведности не несет в себе внутреннего противоречия, но указывает на разные уровни в оценке одного и того же явления.

Обе притчи объединяет то, что в них изображены презираемые в обществе люди, считающиеся грешниками (мытарь) или язычниками (самарянин). Однако христианское учение разрушает эти представления, показывая ошибочность социальных стереотипов, раскрывая подлинные духовные глубины в человеке, на первый взгляд далеко от нравственного идеала. Можно наблюдать смещение акцентов с внешней обрядовой стороны на внутреннюю: безупречный в плане исполнения правил фарисей на деле является носителем греха гордыни; уважаемые народом священник и левит проявляют равнодушие к попавшему в беду человеку.

Размышляя о феномене праведничества, современный литературовед А.Б. Тарасов пишет: «Праведничество — социокультурное явление, соединяющее в себе опыт напряженной духовной жизни, причастности человека к миру идеального бытия, к высшей правде, и практику воплощения идеала в условиях повседневной жизни» [3, с. 293].

Образ праведника в христианском сознании тесно соприкасается с образом юродивого, для которого, с точки зрения Г.П. Федотова, в первую очередь характерно «аскетическое поправление тщеславия» [4]. Эта же черта свойственна и многим персонажам современной духовной литературы, в частности произведений Н.В. Агафонова, например юродивому Гришке из одноименного рассказа или Владимиру Садкову («Божий странник»). Безусловно, соотношение образов праведника и юродивого, выявление общих и дифференцирующих черт их формирования требует отдельного более глубокого исследования и намечает перспективы настоящей работы.

Как видно, проблема ложной и подлинной праведности / греховности занимает важное место в богословской и научной мысли; важна она и для современных православных авторов. Разумеется, способы и средства художественного раскрытия данной проблемы предполагают свою специфику. Прежде всего следу-

ет выделить сюжетно-композиционные узловые элементы повествования, проецирующие на феномен литературной характерологии. Можно утверждать, что они подчинены строго определенной логике: а) подробное раскрытие предстартовой ситуации (ПС) – своеобразная предыстория героя; б) на этапе стартовой ситуации (СС) персонаж выглядит крайне непривлекательно, на первый план выходит ярко выраженная внешняя греховность; в) стартовая ситуация чаще всего порождается кризисом; г) выбор-ситуация (ВС), которая не всегда четко прописывается, а в ряде случаев может полностью отсутствовать; г) финальная ситуация (ФС), дающая иной облик персонажа, благодаря чему в читательском сознании происходит его полная реабилитация.

Очевидно, что у исследованной модели есть два существенных отличия: во-первых, смещение КС в сторону ПС; во-вторых, периферийный, необязательный характер ВС. Первое объясняется тем, что, столкнувшись с кризисной ситуацией в прошлом и не найдя из нее выхода, человек в будущем может проявить определенного рода слабости, которые негативно скажутся на его облике и на восприятии персонажа окружающими людьми. Таким образом, кризис, во многом объясняя состояние человека на период стартовой ситуации, утрачивает заложенную в нем функцию стимулятора эволюции человека, как это наблюдалось в ранее описанных моделях. Периферийный характер ВС становится возможным из-за того, что в подобных произведениях не показана собственно эволюция человека, который грешен и праведен одновременно. Выбор может касаться лишь отдельного частного момента его жизни, но не играть решающей роли в переходе, например, от неверия к вере или от формальной религиозности к истинному богопознанию.

Исследуемые элементы сюжетно-композиционной структуры (ПС, СС, КС, ВС, ФС) отражают специфику произведений современной духовной прозы с эволюционирующим объектом и находят воплощение в творчестве В.Н. Лялина, Б.Ф. Спорова, Т.В. Шипошиной, протоиереев А. Торика и А. Мокиевского. Однако их реализация в контексте модели *внешняя греховность – внутренняя праведность* является отличительной чертой художественного мира Н.В. Агафонова. Подобные образы и ситуации связывают современного писателя с традициями русской классической литературы. Неслучайным в этом плане становится эпиграф к рассказу «Погиб при исполнении»,

отсылающий читателя к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором говорится о прощении грешников и призывании их в Царство Божие: *И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, – скажет, – и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!»*. *И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы! Образа зверино-го и печати его; но придите и вы!...»* [1, с. 11]. Кроме того, в процессе анализа ряда произведений современного писателя возникает ассоциация с текстами Н.С. Лескова. Например, персонажи «Очарованного странника» (Флягин, попик-запивашка) во многом напоминают героев рассказов Н.В. Агафонова; раскрытие их внутреннего мира вполне соответствует модели *внешняя греховность – внутренняя праведность*. Высказанные положения можно проиллюстрировать на примере рассказов протоиерея Николая Агафонова «Соборный чтец» и «Погиб при исполнении».

Центральным персонажем рассказа «Соборный чтец» является церковнослужитель Сергей Авдеев, который на стартовом этапе изображается весьма неприглядно – сильно выпившим. Более того, его внешний облик явно не соответствует месту и времени: он находится в алтаре храма, где полным ходом идет подготовка к праздничному рождественскому богослужению. Становится понятным, что в рассказе изображается сакральное для христиан время – сочельник, т.е. день строго поста, требующего от человека не только ограничения в пище, но и внутренней сосредоточенности. Однако настроение и поведение персонажа не соответствуют каноническим религиозным установкам: он весел, смеется, подшучивает над другими служителями алтаря, чем вызывает с их стороны недоумение. Высказанное одним из находящихся в храме семинаристов замечание побуждает Авдеева рассказать свою историю, в которой в полной мере раскрывается предстартовая ситуация персонажа.

Ее особенность в том, что ПС Авдеева одновременно включает и кризис-ситуацию, последствия которой влияют на неблагоприятный облик и поведение персонажа в начале рассказа. Оказывается, герой находится в состоянии внутреннего конфликта, вызванного отсутствием возможности реализовать главную мечту – стать священнослужителем. Это желание сталкивается с рядом препятствий канонического характера: второй брак Авдеева делает рукоположение в сан невозможным, что

порождает для него кризис-ситуацию. Рассказывая семинаристам свою историю, Авдеев начинает представлять себя дьяконом, словно по-новому моделируя собственную жизнь, в которой бы не было места роковым ошибкам. При этом портрет чтеца претерпевает значительные изменения. Его облик преобразается и одухотворяется, а отталкивающие черты, доминировавшие в начале рассказа, полностью исчезают: *Глаза его при этих словах увлажнились, и он, встав с лавки и вытерев их кулаком, во весь голос запел великий прокимен <...>. Его голос звучал насыщено и мелодично, заставляя в волнении трепетать сердца семинаристов* [1, с. 350–351]. Показательно при этом и реакция на Авдеева служителей алтаря, которые были поражены его рассказом и еще более – пением: *Вы ведь голосом в каждое слово такое глубокое понятие вкладываете, что просто, аж мурашки по телу* (Там же, с. 352). В рассказе подчеркивается, что, несмотря на внешнюю неблагоприятность, объясняемую кризисным состоянием души, центральный персонаж сохраняет в себе глубокую, искреннюю любовь к Богу, а также является еще и проповедником веры: *Да, красиво сказать и пропеть – это, действительно, проповедь* (Там же, с. 352).

Важнейшую роль в раскрытии подлинной сути Сергея Авдеева играет СС-ФС-протяженность, в рамках которой происходит истинное преобразование героя. При этом она не содержит ВС, что связано с отсутствием явных изменений в духовном состоянии центрального персонажа на данном этапе: склонность ко греху и стремление к праведности одновременно уживаются в душе на всех этапах внутренней жизни.

Модель *внешняя греховность – внутренняя праведность* находит отражение также в рассказе Н.В. Агафонова «Погиб при исполнении». По сравнению с произведением «Соборный чтец» здесь присутствует ВС, которая, по сути, периферийна и не влияет на изменение личности центрального персонажа, однако способствует раскрытию его духовного мира.

Главный герой повествования – уважаемый соборный протоиерей Федор Мироллюбов – на предстартовом этапе переживает кризис-ситуацию: трагически погибает его единственный сын. Священник пытается преодолеть тяжелейшую депрессию, совершая ежедневно заупокойные службы, но не справляется с постигшим его горем и начинает пить. Это наносит удар по церковной карьере отца Федора: его переводят за штат, а после отправляют на

стоятелем храма в село Бузихино, известное на всю округу строптивостью прихожан, которые имели особенность изгонять многих присланных к ним из епархии священников.

Именно в Бузихино отец Федор сталкивается с ВС, развивающейся в аспекте смирение / гордыня. Священнику предстает решить, как позиционировать себя на приходе: пастырем или пасомым? Понимая, что бузихинцы резко отрицательно относятся к любым поучениям и морализаторству, отец Федор смиряется перед ними и откровенно признается во всех своих недостатках, что, с одной стороны, вызывает гнев архиерея, а с другой – усмиряет нравы непокорных сельчан. На первой проповеди новый настоятель дает себе следующую характеристику: *Семинариев я никаких не кончал, а с детских лет пел и читал на клиросе и потому в священники вышел как бы полуграмотным. И, по недостатку образования, путь стал непомерно, за что и был уволен со службы за шитат* [1, с. 32]. Следует отметить, что в обращении к прихожанам отец Федор намеренно избегает самооправдания и не говорит о трагедии, повлиявшей на его последующее увольнение и перевод в Бузихино. Признание и публичное покаяние священника, составляющие ВС, положили начало формированию теплых взаимоотношений с богомольцами, которые стали воспринимать его с пониманием и сочувствием. В итоге была налажена мирная жизнь прихода, а священник приобрел уважение и любовь паствы. И в этом важную роль сыграла именно ВС, благодаря которой проявились лучшие качества отца Федора, оттеняющие его отдельные слабости.

Важную роль в раскрытии образа отца Федора играет ВС-ФС-протяженность, которая включает следующие эпизоды: сон священника, встречу с мальчиком Петькой, крестины внука парторга. Первые два эпизода показывают искренность и детскую чистоту души священника. Ему снится покойница-мать, при этом себя он воспринимает маленьким. Дружеское общение с Петькой, внуком церковного звонаря, лишний раз указывает на то, что отец Федор – большой ребенок, обладающий искренностью, открытостью, некоторой наивностью, свойственной детскому мировосприятию.

В то же время ВС-ФС-протяженность показывает, что страсть отца Федора к винопитию сохраняется: совершив с должным благочестием и трепетом таинство крещения, он не отказывается от застолья и угощается предложенным ему самогоном. Еще один эпизод, в

котором подчеркивается противоречивое сочетание слабости и духовной силы персонажа, – панихида по трактористу Павлу, перед совершением которой священнику предлагают выпить: *Отец Федор отдал Марии кадила с углем и наказал идти разжигать. Взял левой рукой стакан с мутной жидкостью, правой широко перекрестился: – Царство небесное рабу Божию Павлу, – и одним духом осушил содержимое стакана* [1, с. 46]. Таким образом, налицо соединение двух несоединимых с канонической точки зрения вещей: заупокойной молитвы и поминания спиртным, что иногда в церковных кругах трактуется как элемент язычества.

В финальной ситуации показана неожиданная гибель центрального персонажа, которая формально происходит по его же вине: выпитый на крестинах и перед панихидой алкоголь нарушил координацию движений, в результате из кадила выпадает горящий уголь, который поджигает венки и приводит к пожару. В данной ситуации образ отца Федора раскрывается наиболее глубоко. Во-первых, он спасает мать покойного Павла Евдокию, забывая при этом о себе. В данном случае можно говорить о присутствии в тексте мотива самопожертвования, что, бесспорно, является одной из высших христианских добродетелей. Во-вторых, на данном этапе повествования возникает особая сакральная связь священника со Христом: *Стало нестерпимо жарко, голова закружилась; падая на пол, отец Федор бросил взгляд на угол с образами – Спаситель был в огне <...>. Икона Спасителя стала коробиться от огня, но сострадательный взгляд Христа по-доброму продолжал взирать на отца Федора. Отец Федор видел, что Спаситель мучается вместе с ним* [1, с. 48]. Данный эпизод подчеркивает некую сопричастность страданий Богочеловека и его служителя. Священник как бы следует за Христом, пожертвовавшим собой ради людей. О готовности следовать за Спасителем в страдании и в радости свидетельствует последняя фраза погибающего протоиерея: *«Господи, – прошептал отец Федор, – как хорошо быть всегда с Тобой»* (Там же). Отчасти эти слова соотносятся с возгласом апостола Петра в момент преображения на горе Фавор: *«Равви! хорошо нам здесь быть!»* (Мк. 9:5). Наряду с фаворскими мотивами в рассказе возникает отсылка к библейскому эпизоду распятия на Голгофе. В угасающем сознании отца Федора ясно звучит фраза из новозаветного текста: *«Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»* (Лк. 23:

43). Таким образом, отец Федор уподобляется как апостолу Петру (одному из первых учеников Христа, который отрекается от Него, а затем приносит покаяние), так и разбойнику, который был распят на Голгофе вместе со Спасителем, но, раскаявшись, обрел прощение и вечную жизнь.

В финал рассказа включается также эпизод посещения Петей могилы отца Федора спустя год после пожара, унесшего жизнь священника. Эта сцена является наиболее яркой и эмоционально напряженной в произведении. В ней еще раз подчеркивается духовная близость двух друзей: мальчика и взрослого человека, который по состоянию души оказался большим ребенком. *С портрета на него смотрел отец Федор, одобрительно улыбаясь. Петя улыбнулся отцу Федору в ответ, а по щекам его текли чистые детские слезы* [1, с. 51]. Следует заметить, что тема детства здесь возникает не случайно, она также имеет евангельские корни: «кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Мк. 10: 15).

Подводя итог изучению модели *внешняя греховность – внутренняя праведность*, можно сделать следующие выводы:

- в качестве обязательных элементов здесь должны быть представлены ПС, СС, КС и ФС;
- кризис-ситуация совпадает с ПС и способствует формированию внешнего, явно непривлекательного облика персонажа, который акцентирован в начале произведения;
- основную роль в произведении играет СС-ФС-протяженность, главная задача кото-

рой – раскрыть истинное лицо центрального персонажа, показать его духовное богатство, любовь к Богу и ближнему;

– выбор-ситуация, иногда возникающая на этапе СС-ФС-протяженности, факультативна и воздействует не столько на эволюцию духовного мира героя, сколько на восприятие его образа читателями и другими персонажами произведения.

Литература

1. Агафонов Н., протоиерей. Чаю воскресение мертвых. М. : Изд. Сретенского монастыря, 2006.
2. Леонов И.С., Корепанова В.А. Поэтика православной прозы XXI века. М.–Ярославль: Ремдер, 2011.
3. Тарасов А.Б. Праведничество: энцикл. гуманитарных наук. 2007. №3. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2007_3/Tarasov/41.pdf.
4. Федотов Г.П. Русская религиозность. Ч. 2. XII. Юродивые. URL: http://www.odinblago.ru/filosophiya/fedotov/fedotov_russkaya_relig2/13.

Model “Outer sinfulness – inner virtue” in the modern Orthodox fiction prose

Based on the creative work by a modern Russian writer, archpriest Nikolay Agafonov, there is regarded the functioning of the evolutionary model “outer sinfulness – inner virtue”, which determines the features of the themes and poetics of the modern native spiritual prose.

Key words: *evolution, sin, virtue, Orthodoxy, prose, Nikolay Agafonov.*

